

АНЕКДОТ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ*

Анна КОНЕВА

«Мерседес» всегда сталкивается с «Запорожцем» не потому что это статистически самая частая ситуация. Даже если «Запорожец», действительно, в большинстве случаев выходит за пределы технической кондиции, число аварий, вероятно, примерно одинаково с разными марками машин. Но сознание фиксирует крайние формы существования социального опыта. Анекдот представляет это совершенно определенно.

Именно «Запорожец» символизирует в массовом сознании категорию людей, некогда составлявшую нижнюю границу среднего класса – даже в советском сознании это была машина категории тех, что «в дождливую погоду все-таки лучше зонта». А сегодня владелец «Запорожца» - это тот, кто доживает остатки бывшего «весьма среднего» благополучия и не имеет никаких перспектив в своем благосостоянии и социальном статусе. С другой стороны, «Запорожец» - иномарка, с разьединением Союза и становлением «незалежной Украины» этот образ несет еще одну семантическую нагрузку, ехидный политический подтекст, тоже немаловажный в структуре социального воображения. В изменившемся социальном воображении пост перестроечной России, эта «политическая подковырка» накладывается на образ неудачника, выпавшего из поезда растущего благосостояния свободного и самостоятельного, само-деятельного (self made) человека. Именно поэтому в современном анекдоте «Мерседес» - полновесная, достойная, состоявшаяся и очень дорогая иномарка встречается не с отечественными «Жигулями» или «Москвичом» (который тоже был символом «среднего среднего» достатка¹), а именно с анекдотической псевдоиномаркой.

Сам «Мерседес», конечно, тоже образ-кентавр: на изначально созданный его производителями рекламный образ престижной дорогой машины представительского уровня, которую может себе позволить преуспевающий представитель верхней части среднего класса, накладывается образ «нового русского» от бандита до «бизнесмена с человеческим лицом».

Не обходится и здесь без политического подтекста: часто за рулем «Мерседеса» лицо кавказской национальности. Но и ему воображение приписывает неожиданный юмор, напоминающий не о чеченских хрониках, а о широте души и пресловутом кавказском гостеприимстве. *На светофоре «Запорожец» врезается в стоящий перед ним «Мерседес». Из «Мерседеса» выходит грузин и говорит водителю «Запорожца»: «Слушай, дарагой, а если красный свет, а меня нет, как ты тормозишь?»* Этот образ «восточного гостя» явно напоминает нам о тех временах, когда «рыночная экономика» базара позволяла наживать на торговле фруктами и цветами деньги, казавшиеся баснословными советскому обывателю. Это тот же папаша незадачливого студента Ленинградского мат меха, которому совестно ездить на собственной машине, когда все его сокурсники ездят на электричке: *«Купи себе, сынок, электричку, ездь как все!»*. Удивительным образом, социальное воображение сохраняет позитивные черты образа, хотя именно это и делает ситуацию комичной.

Интересен тот факт, что почти подпольное существование анекдота в советское время теперь стало легитимным. Издаются сборники анекдотов, анекдоты

звучат с телеэкрана, созданы несколько Интернет-сайтов, посвященных анекдотам. Этот факт является, с одной стороны, свидетельством начавшегося процесса мифологической рефлексии прошлого и настоящего, а с другой, позитивной установкой общества на решение и проработку актуальных психологических проблем.

По данным социологических опросов психоэмоциональное состояние россиян выражается такими чувствами как «несправедливость всего происходящего вокруг» (58%), «страх перед беспределом и разгулом преступности» (55%), «стыд за нынешнее состояние страны» (60%). Способно ли общество преодолеть свои невротические комплексы и «сценарные предписания», препятствующие нормальному развитию в настоящем и адекватному проектированию будущего? Для этого необходимо преодолеть стереотипы сценарных предписаний прошлого, идентифицироваться с другим образом настоящего.

Анекдот позволяет проработать и сценарные ошибки, и парадоксальный выход из стереотипной безвыходной ситуации. Социальные страхи – перед беспределом, силой, деньгами – прорабатываются в анекдоте, трансформируясь в позитивную установку на успех. Анекдот, таким образом, обладает определенной компенсаторной функцией: то, над чем мы посмеялись, перестает быть определенно страшным.

Социальное воображение в таком случае служит механизмом защиты, в анекдотах оно создает волшебное пространство, в котором привычное преобразуется, а «сильный» и «слабый» меняются местами. Но пространство «Запорожца» это не воображаемое, а фантастическое пространство, в котором возможны любые чудеса. В анекдотах пространство «Запорожца» вмещает в себя все материальные блага, которые только могут пригреться: это и мощный двигатель, который позволяет «Горбунку» обгонять возделенные «Мерседесы», и автоматическая коробка передач, и бар, и видео салон, и двуспальная кровать, и – венец материального благополучия – джакузи². Другой вариант фантастического – сам владелец не престижной машины: папа «крутого босса», который *«поехал за кефиром»*, авторитет, которому нужно *«из тюрьмы до дома доехать»*.

Культурологический анализ позволяет выделить две функции современного анекдота: «окультуривание» мотива насилия и парадоксальное снятие оппозиции. Очевидно, что структура анекдота задается спецификой вытесненных потребностей человека. Мы видим мотив силы, которая преодолевается силой, обманом или везением. Водитель «Запорожца» в отчаянии берет в руки монтировку и идет крушить бедный «Мерседес» до полного уничтожения, после чего ждет возмездия (семь бед – один ответ) и, не дождавшись, уезжает. А потрясенные братки, не дыша, сидят в изничтоженном «мерсе» и комментируют произошедшее: *«Прикинь, это он в нас въехал... А если бы мы в него?»*. Попавший в аварию пожилой владелец «Запорожца» может совсем не невинно «перепутать» род занятий своего сына, который окажется *«не директором птицефабрики, а командиром спецотряда «Беркут»*. В другом случае, виновник ДТП покаянно ждет и готов по возможности компенсировать убытки: *«- Сынок, поехали квартиру смотреть, рассчитаемся!» В ответ - ни звука. Он опять стучит: « - Сынок, дача есть поехали, посмотрим!» Тишина. Удивленный дед: «- Ну, спасибо, что простил»,- садится в Запор и уезжает. Минут через десять из Мерседеса вылезает запыхавшийся новый русский: « - Пока эту подушку безопасности прогрыз, такого лоха упустил».*

Социальное воображение формирует зону допустимого поведения, но оно же осваивает и возможные способы преодоления стереотипа. Анекдот также воспроизводит социальный стереотип, предлагая водителю дорожного катка пока-

яться инспектору «как обгонял, как подрезал...» все тот же пресловутый «Мерседес». Рамки дозволенного могут произвольно искажаться, что позволяет герою анекдота глумиться и ерничать: *На светофоре в стоящий "Мерседес" врезается "Запорожец". Из "Запорожца" выскакивает мужичонка и объясняет водиле "Мерседеса": «- Ты не волнуйся, браток! Сейчас поедem ко мне на стоянку, все отремонтируем, будет лучше, чем было». Ладно, сели поехали на стоянку. Вдруг на следующем светофоре водила "Мерседеса" вновь чувствует удар. Он поворачивается - опять тот же "Запорожец". Водитель "Запорожца" машет ему рукой и кричит: «- Не волнуйся, браток! Это свои!»*. Если автомобиль – продолжение нашего тела, выражение сущности, символ социального положения, то, покушаясь на целостность автомобиля, нарушитель, тем самым, покушается на «Я» его владельца. «Братание» двух машин связало их владельцев, сделав «своими». Собственно, в социальной реальности стать «своим» для владельца «Мерседеса» можно только одним способом: сделав ему одолжение. Но в социальных представлениях о долге совмещаются архетипические, социальные и личные пласты. Поэтому власть над предметом (удар по автомобилю) дает власть над его хозяином, ремонт на «моей стоянке» ставит владельца иномарки в зависимость от меня, так что, я могу себе позволить развлечься за его счет. Трансформация допустимого поведения – один из способов снятия оппозиции сильного и слабого.

«У сильного всегда бессильный виноват». Со времен Эзопа волк всегда уверенно реализует свои аргументы. Но анекдот позволяет внутреннему волку прорваться сквозь овечью шкурку беззлобного владельца «Запорожца» - так актуализация юнгианской тени позволяет прожить, просмеять угнетенные психологические и социальные потребности. Целая серия историй повествует нам о неожиданно зубастых «бессильных». Это может быть колдун, наводящий порчу на зарвавшихся братков, или седовласый папаша командира отряда «Беркут». Мотив обмана заставляет нас вспомнить об архетипе трикстера, который в анекдоте принимает образ простоватого дедка, разрушающего социальный сценарий сильного.

В серии анекдотов о столкновении «Мерседеса» и «Запорожца» за рулем последнего в большинстве случаев оказывается именно дед. На поверхности лежит примитивная ассоциация старый человек – старая машина, образ того, кто в лучшие времена был силен, хорош собой, а сегодня доживает свой век вместе со старыми вещами. Но анекдот как произведение социального воображения оперирует более глубокими смыслами. Старик – человек без возраста и пола, это некто, имеющий двойственную природу жизни и смерти, что позволяет ему опрокинуть рамки привычных представлений и стереотипы поведения слабого перед сильным. Трикстер часто изображается в виде старика. В мифе это тоже человек без возраста, человек, который жил всегда. Поскольку в данном случае, как, фактически, и во всех других, он, по собственному желанию, может превращаться во что угодно, его имя говорит лишь о каком-либо одном его качестве и способности. Как и трикстер, дед из Запорожца - тщеславный эгоист и обманщик. Кроме того, он своеобразным образом мстит тем, кто насмехается над ним. Все это часть его социализации. Символ, который воплощает собой фигура трикстера – не сатирической природы. Если мы смеемся над ним, он ухмыляется нам в ответ. То, что происходит с ним, происходит и с нами – в этом сила воображения.

Примером одного из наиболее эффективных юмористических приемов, двойного парадокса, может служить «трикстерский» анекдот рассматриваемого нами цикла: «- Ну, ты дед попал! – Сколько? – 10 000 баксов». Дед спокойно отдает деньги. Новый русский в недоумении: «- Ты чем, дед занимаешься? - Кроликов развожу». Разъехались. Приезжает бандит домой и решает, что если дед

так легко расстался с 10 000, то дома у него денег еще больше. Посоветовался с братками, узнали, где этот дед живет, и поехали к нему. Подъезжают к селу. Смотрят - пастух коров пасет. На плече у него АКМ, на поясе мобильник. Спросили у него, как к деду проехать. Объяснил он им, а как только «Мерс» отъехал, пастух набирает на номер: « - Степаныч, тут к тебе кролики едут».

Образ трикстера непременно включает и любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, и способность изменять облик, и определенно двойственную природу. Он близок к природе – и анекдотический дед также либо живет в селе, либо (в образе папаши командира отряда ОМОН или папаши нового русского) описывается как дед-моховик, замшелый дедок и т.д. С точки зрения обнаружения в герое анекдота архетипа трикстера любопытно, что в этой истории встречается упоминание о кролике. Дед-трикстер, который «разводит» кроликов – в высшей степени лукавый образ. Практически во всех культурах, где обнаружены мифы о Кролике, он исполняет двойную роль культурного героя и трикстера. Таким образом, дед-трикстер «разводит»³ современных культурных героев, сам занимая освободившееся героическое место.

Согласно Юнгу, трикстер – это коллективный образ тени, совокупность всех низших черт характера в людях. Но, кроме того, образ трикстера близок образу культурного героя и часто рассматривается в связи с ним. В мифах культурному герою полагается позаботиться об изменении сил природы, лишении их изначальных деструктивных функций; а также об освобождении мира из-под власти монстров, людоедов и гигантов. Именно это и составляет основную функцию «деда из Запорожца». Трикстер – нарушитель порядка, противник границ, для него не существует социальной иерархии и легитимности власти силы или денег. Но в то же время функцией трикстера является внесение элемента беспорядочности в порядок, и тем самым придание миру завершенности, целостности, обеспечение наиболее полной возможности осуществления того, что упорядочено и опыта того, что за границами дозволенного. Трикстер, таким образом, репрезентируется как творец мира и культуры, с ее категориями должного, приемлемого и дозволенного.

Социальное воображение оперирует архетипическими образами. Но также оно оперирует образами конкретной культуры, позволяет нам включиться в социальную действительность, присвоив себе определенные стереотипы и модели поведения, поместив в личный гардероб маски и образы, приемлемые в данном социуме. В культуре социальное воображение реализуется в разных формах, одной из которых является анекдот. Снижение смысла, логическая подмена, смещение⁴, парадокс – все эти приемы позволяют создать серию конкретных узнаваемых образов, за которыми прочитываются обширные культурные пласты, свидетельствующие о единстве культуры и мира.

Примечания

* При поддержке РГНФ, грант № 02-03-0033А, при поддержке гранта Минкультуры РФ «Молодые ученые» (целевая программа «Культура России»).

¹ В одном из популярных (а по рейтингу читающего среднего класса современной России, по данным журнала «Эксперт» - самого популярного автора) детективных романов Александры Мариной героиня, которой нужно было за кем-то проследить, приехала в специально купленном для этой цели подержанном «Москвиче», одетая в турецкую дубленку, чтобы создать образ женщины, «у которой все в прошлом»: то, на чем она ездит, когда-то считалось машиной, то, во что она одета – когда-то было модным зимним нарядом.

² На светофоре останавливаются рядом «Мерседес» последней модели и «горбатенький запорожец». Водитель «Запорожца» опускает стекло и стучит в стекло «Мерса»: «Эй, мужик, у тебя бумаги для факса не найдется, а то у меня вся вышла? - А что, у тебя там факс установлен??!!! - Ну, естественно! - Нет, мужик, извини, нет у меня бумаги». Разъехались. Через пару дней снова встречаются эти же машины. Снова водитель «запорожца» стучит в стекло «мерса»: «Слушай, у тебя нет видеокассетки свеженькой, а то смотреть нечего. - У тебя что, и видео в «запоре» есть?! - Конечно. - Нет, извини, нет у меня кассеты. - А кубиков для льда, а то у меня кончились? - У тебя там и бар есть? - А как же! - Нет, нету у меня льда». Владелец «мерса» в нервах отправляется на фирменную станцию, устраивает всем разнос по полной программе. Ему с извинениями устанавливают и факс, и бар, и видео. Ездит «Мерс» по городу, ищет «запорожец». Наконец, нашел его где-то на окраине, во дворе? Стоит «запор» у мусорных бычков, все стекла у него запотели. Водила «мерса» вылез, стучит, стучит в стекло. Наконец стекло «запора» опускается: «- Ну, чего тебе? - Слушай, а у меня теперь тоже и факс, и видео, и минибар стоит, а еще мне новье: DVD-плеер вмонтировали, у тебя такого нет, поди! - И ты меня из-за такой ерунды из «джакузи» вытащил?».

³ В другом варианте анекдота смеховым моментом является несовпадение обыденного смысла глагола «разводить» со сленговым. Бандиты из «Мерседеса» недоумевают: «как это – кроликов разводит?»

⁴ Что такое «Мерседес»? – Это такой обтекаемый, динамичный, мощный. – А что такое «Запорожец»? – Это такой в шароварах, с усами, выпить любит.